

УДК 008:316.42

Т. С. Злотникова

<https://orcid.org/0000-0003-3481-0127>

Н. Н. Летина

<https://orcid.org/0000-0003-1884-7827>

### Гендер в художественном универсуме Н. А. Некрасова

*Выполнено Т. С. Злотниковой по гранту РФФ № 20-68-46013*

Для цитирования: Злотникова Т. С., Летина Н. Н. Гендер в художественном универсуме Н. А. Некрасова // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 2 (25). С. 200–206. DOI 10.20323/2499-9679-2021-2-25-200-206

В статье предлагается дискурс художественной картины мира Н. А. Некрасова с позиций культурфилософского и культурно-антропологического подхода к гендерной проблематике. Основная задача – выявление и изучение гендерно-детерминированных интенций сформированного Некрасовым универсума. Научную значимость статьи определяет как интегративный культурологический алгоритм анализа гендера в художественном универсуме Н. А. Некрасова, так и установленный (и компенсированный) парадокс: гендерно-ориентированный дискурс творческого наследия Н. А. Некрасова, известного в отечественном массовом сознании как певец «несчастной женской доли», до настоящего времени реализован лишь эпизодически и практически без учета маскулинной специфики. Представлены результаты культурфилософского и культурно-антропологического анализа и систематизации разнообразных проявлений феминности и маскулинности в художественных текстах Некрасова, приведен опыт изучения как названий, так и состава и организации системы персонажей. «Густонаселенность» и пестрота некрасовского универсума соотнесена с гендерной дифференциацией персонажей. Авторы статьи предьявляют многообразие русского мира, что основано на междисциплинарном понимании художественной картины мира Некрасова, включая такие теоретические позиции и связанный с ними эмпирический опыт: литературоведческая традиция (романтические герои и реалистические типы), условно-символическая, национально-культурная, социологическая, а также повседневно-бытовая и профессиональная.

**Ключевые слова:** Н. А. Некрасов, гендер, художественный универсум, гендерная проблематика, гендерные роли, система персонажей.

T. S. Zlotnikova, N. N. Letina

### Gender in the artistic universe of N. A. Nekrasov

The article offers a discourse of N.A. Nekrasov's artistic worldview from the positions of a cultural, philosophical and anthropological approach to the gender issues. The main task is to identify and study the gender-determined intentions of the universe formed by Nekrasov. The scientific significance of the article is determined both by the integrative culturological algorithm of gender analysis in N.A. Nekrasov's artistic universe and by the established (and compensated) paradox: the gender-oriented discourse of N.A. Nekrasov's heritage, who is known in the Russian mass consciousness as a singer of «miserable woman's life», has so far been realized only occasionally and almost without considering the masculine specificity. The article presents the results of cultural, philosophical and anthropological analysis, systematizes various manifestations of femininity and masculinity in Nekrasov's texts and describes the experience of studying both the names and the composition and organization of the character system. «Overcrowded» and colorful Nekrasov's universe correlates with the gender differentiation of the characters. The authors of the article present the diversity of the Russian world, which is based on an interdisciplinary understanding of Nekrasov's artistic worldview, including such theoretical positions and relevant empirical experience as literary tradition (romantic heroes and realistic types), conventional-symbolic, national-cultural, sociological, as well as mundane and professional ones.

**Key words:** N. A. Nekrasov, gender, artistic universe, gender issues, gender roles, character system.

#### Введение

Художественная картина мира, отражающая духовную жизнь и эстетические принципы такого выдающегося творца и парадоксальной личности, как Н. А. Некрасов, может рассматриваться в ка-

честве своего рода культурного универсума. В него входят и жизненные впечатления, и эстетические откровения, и психологические, нравственно-социальные, религиозные аспекты бытия, отражаемого автором.

Настоящая статья посвящена тем социально-философским и теоретико-культурным проблемам и концептам, которые придают значимый и неустаревающий характер культурному универсуму Н. А. Некрасова.

Используемые нами для изучения творческой деятельности Н. А. Некрасова дефиниции – это, прежде всего, «универсум» и «гендер» – в принципе не имеют единой культурфилософской традиции осмысления, актуализируясь в философской-антропологической, социологической, социопсихологической парадигмах. В определенной степени заполняя обозначенную нишу, мы отмечаем, что в обоих изданиях культурологической энциклопедии эти понятия отсутствуют [Культурология, 2007]. Мы же, частично, на конкретном эмпирическом материале, эту нишу попытаемся заполнить, что обуславливает актуальность произведенного исследования.

Впрочем, внимание к названным дефинициям при изучении творчества Некрасова все же проявлялось: так, не употребляя буквально понятие «универсум» в отношении Н. А. Некрасова, К. И. Чуковский в семантическом плане его обозначил, утверждая значимость для поэта «синтеза красоты и добра» [Чуковский, 1952, с. 176]. Мы учитываем и необходимое для изучения творчества Некрасова присутствие дефиниции «гендера» в качестве концепта как смыслового компонента «глубинной семантической структуры высказывания» [Неретина, 2005, с. 255]. Полагаем, что две названные дефиниции в творчестве Н. А. Некрасова интегрированы; художественный универсум Некрасова во многом гендерно детерминирован и отчетливо гендерно верифицируем: тексты Н. А. Некрасова реализуют гендерную проблематику и воплощают гендерные аспекты архетипов (проблеме выявления и анализа которых будет посвящена отдельная, следующая статья). О конкретных проявлениях гендерной детерминации у Некрасова речь и пойдет ниже, проблема будет обсуждаться специально и детально.

Предваряя последующий анализ художественных и личностных интенций Некрасова, проакцентуируем «густонаселенность» и пестроту художественной картины мира, которую полагаем возможным считать универсумом творца, в системе персонажей которого предьявлена гендерная дифференциация, дополняемая условно-символической, литературной (романтические герои и реалистические типы), национально-культурной, социальной, повседневно-бытовой, профессиональной разнородностью. Показательно

и разделение на повседневно-бытовых персонажей, имеющих имена и позволяющих видеть их в конкретных ситуациях, и, с другой стороны, условно-символических персонажей, которые, тем не менее, имеют определенные гендерные характеристики. Отметим исходную, весьма значимую для понимания малоисследованных аспектов творчества Некрасова концептуальную позицию: парадоксальным образом гендерно-ориентированный дискурс творческого наследия Н. А. Некрасова, позиционируемого в отечественном массовом сознании в качестве певца «несчастной женской доли», до настоящего времени реализован лишь фрагментарно и весьма кратко [Гасанов, 2016], [Воронкова, 2016], [Федорова, 2017], причем гендер понимается только через выявление женского начала, без учета гендерной роли мужчины – героя, кормильца, защитника, а в некоторых случаях, что для Некрасова было особенно важно, но еще и пассионария. И это при условии, что пассионарность характера женщины для Некрасова и, видимо, для некоторых его исследователей был очевиден, к какому бы сословию она ни принадлежала. Сошлемся на строки Некрасова, у которого фигурируют и крестьянка, которая «в горящую избу войдет», и аристократка, которая в своей жертвенности «сталью одела грудь», сознавая, что ее жизнь будет «ужасна», а судьба «страшна», как и у мужа.

### Методы исследования

Исследование проведено на основе культурологической интеграции культурфилософского и культурно-антропологического подходов, гендерного анализа, структурно-функционального и семантического анализа, текстологического и элементов лексического анализа обширного комплекса гендерно-детерминированных текстов Н. А. Некрасова и их отдельных составляющих.

### Результаты исследования

#### Гендерные аспекты номинаций в художественном универсуме Некрасова

Привычка к восприятию женщины – покорной и тихой, отчасти в фольклорном, отчасти в сентименталистском духе во многом детерминирована отечественной (ибо другой не существует) традицией позиционирования творчества Н. А. Некрасова в инфантильной культурфилософской парадигме и закреплены в массовом сознании нашего современника медийными инструментами, к контенту которых мы обращаемся ниже, поскольку этот контент ясно и определенно подтверждает

приведенное суждение. В некрасовской ойкумене Рунета контент электронных библиотек нередко предлагает научные позиции, которые мы учитываем в своей статье и в которых так или иначе систематизированы устойчивые и ставшие привычными представления («Давно отмечена ведущая линия некрасовского крестьянского сюжета – страдальческое положение русской женщины вообще и русской крестьянки, главным образом» [Никольский, 2009]) или некритично воспроизводимые клише: «Большое внимание Некрасов уделял в своей лирике раскрытию женских образов» [Воронкова, 2016, с. 45]; «Во многих произведениях этого периода Н. А. Некрасов с огромной силой правды показал широкую картину всей жизни крестьянства, женщин-крестьянок» [Смирнов, 2015, с. 228]. И в кратком, максимально адаптированном к возможностям восприятия массовой аудитории и особенно школьников (транслируемом с небольшими вариациями наиболее часто, в частности, в антологии русской и зарубежной поэзии «РуСтих»), и в детализированном, рассчитанном на эрудированную аудиторию на сайте «Стихи русских поэтов» отдельно включена позиция «о женщинах», которая, с одной стороны, отражает представление о гендерных детерминантах некрасовского творчества, с другой – верифицирует неполноту гендерного прочтения творческих и социально-нравственных интенций автора.

Выверенность и своего рода эстетическая неслучайность заголовков, которые давали русские классики своим произведениям, позволяет нам предпринять контент-анализ названий произведений Н. А. Некрасова, направленный на интегративно осуществленную верификацию общего культурного контекста маскулинной и феминной интенций и осуществленный по ключевым культурным кодам «муж» и «жен»; и этот анализ вполне очевидно свидетельствует об акценте на феминности как в творчестве Некрасова, так и в его изучении. Корень «муж» встречается дважды («Феоклист Онуфрич Боб, или муж не в своей тарелке», пьеса 1841 г. и условном названии стихотворения «Муж и жена»). Корень «жен» встречается шесть раз (поэма «Русские женщины», стихотворения «Муж и жена», «Женщина, каких много», «О письма женщины, нам милой», фрагменты «О слезы женские, с придачей» / «Слезы и нервы», «Чтоб о женщинах понятия» (отрывок из водевиля «Дедушкины попугаи»).

Дополнительные к пониманию контекста и детализированные результаты дает глубинный анализ гендерных признаков, заключенных в названиях произведений, причем имеется в виду работа

с лексическим составом и категорией грамматического рода. Обращение к лингвистической детализации гендерных смыслов, присутствующих в названиях художественных текстов Некрасова, позволяет на обозначенном нами номинативном уровне выявлять в творчестве Некрасова эксплицитные и имплицитные гендерные формы, а также – гендерный состав персонажей. Мы реализовали принцип формально-логического построения представлений о гендерной проблематике у Некрасова, рассмотрев в философско-антропологическом аспекте количественный состав лексем предметной и субъектной направленности – существительных и местоимений женского и мужского рода, и установили, что к непосредственному выражению феминности имеют отношение более 98 лексем, к выражению маскулинности – более 144 лексем, что явственно верифицирует превалирование маскулинных языковых интенций.

Вопреки тому, что внимание к женскому началу обычно проявляется в связи с картиной мира Некрасова более широко, чем к мужскому (о чем было упомянуто выше), наше исследование позволяет установить, что гендерный состав персонажей, упоминаемых в названиях (или первых строках) произведений Н. А. Некрасова, таков: маскулинную идентичность имеют более 100 персонажей (Я, поэт, журналист, человек, В. Г. Белинский, издатель, друг, земляк, рыцарь, влюбленный, ямщик / извозчик и др.), феминную – более 39 (ты и она, Муза, мать, Русь, Родина, Зина, женщина (ы), актриса, Волга, певица, старуха и др.).

Полученные количественные приоритеты маскулинности в отношении системы персонажей вселенной Н. А. Некрасова подтверждаются анализом состава лидирующих по количеству упоминаний в творчестве поэта и в критике поэта слов («Некрасов», «современник(и)», «Белинский», «поэт», «русский» (-ая, -их, -ого), «Тургенев», «Панаев...») (-а, -у, -ой, -ым)). В целом из 100 слов – лидеров по словоупотреблению [Николай Некрасов] только 4 имеют явную феминную семантику (мать, душа, жена, Панаева).

Таким образом, *количественный анализ маскулинных и феминных признаков* номинативного ряда названий и первых строк произведений, используемых в качестве названий, демонстрирует преобладание маскулинных маркеров, что подтверждается и количеством словоупотреблений. Предпринятое в отношении некрасовского универсума измерение «алгеброй гармонии» диагностически чрезвычайно полезно для *модернизации научного дискурса* художественной картины мира

Некрасова, которого, как мы обозначили выше, в отечественной культурной традиции обычно принято считать поэтом феминности («Наиболее ярко, правдиво и широко женская тема в русской литературе нашла отражение в поэзии Н. А. Некрасова» [Гасанов, 2016, с. 60]).

### Художественный универсум Н. А. Некрасова в гендерном аспекте

Как нам представляется, *система персонажей*, которых включает в себя художественный универсум Н. А. Некрасова, выстраивается в вертикальной проекции по модели мифосистем [К. Леви-Стросс, 2001], [К. Леви-Брюль, 2020], [Moore, 2009] [Кассирер, 2002]: (1) *сакрализованное божественное – демоническое и inferнальное*, (2) *героическое*, (3) *человеческое*. В этой авторской системе, как и в любой целостной мифосистеме, *гендерная компонента* не только определено присутствует, но и носит, в то же время, специфический характер, детерминированный национально-культурными и «календарными» особенностями хронотопа, а также характерной для русской классической литературы «философичностью» [Никольский, 2015, с. 7]. Черты женщин у Некрасова часто конкретны в визуальном и социальном планах (в частности, социальное положение жены характеризует статус супруга, чем оно выше, тем более широкими социальными и финансовыми возможностями наделен муж, что вполне соответствует традиционной модели подчиненной феминности [Benjamin, 2021]); черты мужчин, если это не эпизодические персонажи, выглядят более обобщенными. Эту дифференциацию можно обозначить с определенным допущением в плане дискуссионного предположения: женщины у Некрасова – это в основном персонажи, мужчины в основном символы.

Продланное нами исследование некрасовского универсума в гендерном аспекте, детализация чего представлена ниже, позволяет установить и подчеркнуть, что распределение персонажей по уровням детерминировано сложным взаимодействием целого комплекса обстоятельств и контекстов: историко-культурной ситуацией, ментальным и социокультурным контекстом России, эстетическими приоритетами писателя и индивидуальными обстоятельствами жизни, судьбы, мировоззрения, деятельности Н. А. Некрасова.

Остановимся на названных персонажных уровнях, имеющих гендерную детализацию.

1. В качестве *сакрализованных* персонажей универсума Н. А. Некрасова мы полагаем возможным выделить следующие: Бога, ангелов, Му-

зу, Русь (Родину, Россию и отдельные ее составляющие, такие как Волга). Формально к этой группе примыкают боги и богини – персонажи древнегреческой мифологии (Зевс, Афина и др.), но сакрального статуса в универсуме поэта они не имеют, выполняя роль аллегорий и аллюзий.

В гендерном отношении маскулинные проявления представлены христианским Богом в акценте его властных функций – «господином», абсолютным созеренном, вседержителем. В лирике Н. А. Некрасова Бог «дает», не обижает дарами, изменяет (или нет) долю персонажей, может «сжалиться», «выручает», «выводит», «знает», «защищает», ниспосылает / посылает, «с Богом» живут, ходят, он суров, неумолим, он Бог «гнева и печали». Бог часто упоминается в устойчивых выражениях, составляющих национальную и нравственную речевую характеристику персонажей («Бог весть», «дай Бог») из русского народа или русской аристократии.

При этом творческое начало и вдохновение закреплены за античной по своему генезису, но примыкающей к романтической парадигме в качестве сакральной творческой интенции феминной Музы, которая применительно к мировой культурной традиции встраивается в характерный ряд: иронично низвергнутой Д. Г. Байроном «царицы снов и детской сказки»; исполненной «святого очарования», радости и любви условной Музы А. С. Пушкина; некогда сошедшей с небес «юной» Музы, покинувшей В. Жуковского. Совсем иная Муза «мести и печали», чьи «суровые напевы» призвал нести в мир поэт, безусловно, является личностной интерпретацией Н. А. Некрасовым генетически сложного комплекса интенций – эстетических (романтических, реалистических, натуралистских), духовно-нравственных (позитивистских, христианских), личностных (ситуация детской травмы и имманентного мучительного переживания страданий матери). Муза в универсуме Н. А. Некрасова («Баюшки-баю», «Замолкни, Муза мести и печали», «Муза», «Музе», «Недавнее время», «О Муза, я у двери гроба», элегии) выражает типичные для позитивистски детерминированной «натуральной школы» русской литературы социально-критическую модальность, в том числе сатиру, и раскрытие представлявшейся автору подлинной природы русского общества и «страдающей» России третьей четверти XIX века. При этом пафос обличения несправедливости бытия в социуме вполне соответствует романтической традиции, как и выбор Музы в качестве формальной модели,

принятой для выражения идеи истока творчества. Модальность страдания некрасовской Музы, ее не просто феминная, но материнская гендерная роль и соотнесенность с Сакрумом (Э. Кассирер) – душой России, а также с богородичными коннотациями, коррелирует и с национальной версией христианского культурного кода, и с личным драматическим опытом поэта.

В этом синтезе, решенном в целом в традиционном патриархальном ключе, происходит сакрализация феминной в своей сущности Руси, коррелирующей в сознании Н. А. Некрасова (как и многих творцов и мыслителей XIX в., см.: [Воронина, 2018]) с образами земли, родины, матери, в результате чего задается мощный вектор феминизации, реализованный в архаических, хтонических, глубинных импульсах, архетипических основаниях. Не отсылая непосредственно к Некрасову, но явно учитывая и его опыт, эту проблему точно диагностировал Н. Бердяев, по мысли которого «русская религиозность – женственная религиозность, <...> религия матери-земли, женского божества» [Бердяев, 1990, с. 17].

Акцент феминности не позволяет добиться амбивалентности персонажей, но выражает амбивалентную гендерную иерархию, в которой доминирует маскулинное как синоним порядка, радио, воли, однако имманентно верифицируется и эпизодически выходит на первый план сила феминного как генеративного истока и креационного источника.

*Демонический* состав сакрального уровня системы персонажей Н. А. Некрасова составляют стихийные, inferнальные духи и существа разнородной (фольклорной, мифологической, религиозной, романтической) этиологии – водяной, ворон, демон, Зеленый Шум, злой дух, Мороз, Красный нос, Баба Яга, Костяная Нога. К этой группе примыкают персонажи-посредники между миром людей и миром inferнальным – чародей, пьяница, знахарка, ведьма. Показательно и парадоксально решен Н. А. Некрасовым вопрос о гендерной идентичности персонажей – воплощений inferнального – в пользу маскулинности, в то время как слуги и адепты inferнального в среде людей встречаются как маскулинной, так и феминной идентичности.

2. Наиболее локальный, приближенный к историко-культурной обыденности уровень системы персонажей Н. А. Некрасова мы определяем как уровень культурных героев, экстраполируя устоявшееся понятие мифокритики в область художественного творчества с акцентом на их культуротворческий (Н. Сёдерблом), архетипический (К. Г.

Юнг) и медиаторский (А. ван Деурсен) функционал. *Культурные герои* (показательно, что слово «герой» имеет 905 употреблений в творчестве и критике поэта по версии электронного ресурса [Николай Некрасов]) в универсуме Н. А. Некрасова – это, как сказали бы позднее, деятели культуры определенной эпохи, в том числе «рыцари» словесности, театра, просветители, статус и функционал которых Н. А. Некрасов определяет в сочетании «современности», погруженности в актуальность, активной гражданской позиции, патриотизма и принадлежности творчеству и просветительству (литературе, театру, издательской деятельности). Парадигматика культурного героя в универсуме поэта представлена такими персонажами и концептами, как автор, поэт, писатель, критик, журналист, издатель.

Особым свойством универсума Некрасова, очевидно, следует счесть то, что культурные герои были разнообразны по своим свойствам и по принадлежности к определенному социокультурному кругу. Так, к числу культурных героев Н. А. Некрасов относил не только условно-обобщенные фигуры, но и себя, И. С. Тургенева (до начала идейных разногласий), В. Г. Белинского, Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевского, И. И. Панаева, А. Я. Панаеву и других персон, имевших непосредственное отношение к издательской деятельности журнала «Современник». «Героический» ареопаг составляли также творцы и политические деятели прошлого – отечественные, М. В. Ломоносов, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, иностранные – Дж. Гарibaldi, И. Гёте, Г. Гейне, Ф. Шиллер, был и женщина-автор – Ж. Санд (переводы печатались в «Современнике»). В гендерном плане сам состав приведенных персоналий указывает на выраженный приоритет маскулинного в понимании культурного героя и лишь эпизодического, скорее исключительного допуска феминного – но такова ситуация в отношении представлений Н. А. Некрасова о героях эпохи – современниках, – в социокультурных практиках.

3. *Обыденный человеческий уровень* (где определенным образом отражается и конкретизируется специфика культурных героев) применительно к системе персонажей населен плотно и разнообразно. В универсуме Некрасова этот уровень имеет несколько оснований своей организации: сословное (дворяне, мещане, купцы, духовенство, крестьяне, но туда входят также внесловные, а также фантастические персонажи, сегодня мы их относим к маргиналам – ведьмы, инвалиды, нищие, разбойники, пассионарии); профессиональное (актриса, актер, наборщик, извозчик, чита-

тель, коробейник, и пр.); возрастное (старика / старухи, взрослые, дети). Отдельно следует отметить не социально-культурное, но аксиологическое основание (положительные и отрицательные). Гендерный принцип организации системы персонажей реализуется и интенцией гендерной идентичности персонажей, и фиксацией в персонажах разнообразных гендерных ролей, среди которых, почти независимо от социального статуса, сословной принадлежности, интеллектуально-культурного уровня персонажа выделяются именуемые в гендерологии традиционными [Lindsey, 2015] роли – мать, отец, дети, бабушка, муж / жена, влюбленный / возлюбленная.

В построении системы персонажей в культурно-антропологической парадигме люди у Н. А. Некрасова располагаются в специфической, аксиологически верифицируемой иерархии: для поэта наиболее важны персонажи, выражающие концепцию человека, возвышающегося до величия культурного героя – чувствующего, думающего, находящегося в непрестанном поиске / пути, страдающего и сострадающего, активного и деятельного, гражданственно и патриотически озабоченного, особенно значимого в его креационной, творческой (поэт, пророк) и мессианской (просветитель, гражданин, странник) ипостасях. Характерным представляется то, что в системе персонажей – обычных людей предьявлена гендерная симметрия: если мать, то и сын (мотив «мать и сын» исследователь определяет как архетипический и характерный для Некрасова) [Филипповский, 2010], если муж, то и жена (и «Русские женщины» – не исключение), если отец, то иногда – на периферии, иногда уже за гранью жизни – мать («Рыцарь на час»), если Русь или Волга – то русский народ и поэт, если лирический герой – то и лирическая героиня, возлюбленная. Показательно, что и на уровне организации художественного образа, в фактуре внутреннего мира и внешних проявлений персонажей происходит взаимопроникновение традиционно трактуемых как маскулинные или феминные качества: персонажи-женщины наделяются волей, активностью, способностью к деятельной самореализации, продвижению («Русские женщины»), персонажи-мужчины – добротой (дед Мазай, Пахом), состраданием (образ поэта, лирическое Я), страстностью («Огородник»).

### Заключение

Как позволяет утверждать проведенное нами на интегративной, культурфилософской и культурно-антропологической базе исследование, ху-

дожественный универсум Н. А. Некрасова наполнен *гендерно-детерминированными интенциями*, в частности, структурировавшими систему его персонажей – многосоставную, плотно населенную, разнообразно дифференцированную в религиозном, духовно-нравственном, социальном, гендерном, психологическом, эстетическом аспектах.

Мы также устанавливаем, что художественный универсум Некрасова наполнен гендерными образами, которые в силу отечественной культурной традиции социально акцентированы, но философски и культурно недооценены. Сопоставление гендерных представлений с архетипически детерминированной парадигмой будет предьявлено в следующей публикации, развивающей концептуализацию данной статьи.

### Библиографический список

1. Бердяев Н. А. Судьба России. Москва : Сов. писатель, 1990. 348 с.
2. Воронина О. А. Символизм женственности и мужественности в русской культуре // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 4 (15). С. 172–179.
3. Воронкова Н. Ю. Образ женщины в лирике Н. А. Некрасова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 5–3. С. 45–48.
4. Гасанов И. А. Особенности гендер-концепта в творчестве Н. А. Некрасова и в кавказской поэзии XIX–XX веков // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2016. Т. 10. № 2. С. 60–64.
5. Кассирер Э. Философия символических форм. В 3 т. Т. 2. Москва; Санкт-Петербург : Университетская книга, 2002. 280 с.
6. Культурология. Энциклопедия. В 2 т. Москва : РОССПЭН, 2007. Том 1. 1392 с. Т. 2. 1184 с.
7. Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. Москва : Академический проект, 2020. 430 с.
8. Леви-Стросс К. Структурная антропология / пер. с фр. В. В. Иванова. Москва : ЭКСМО-пресс, 2001. 512 с.
9. Неретина С. С., Огурцов А. А. Концепт как возможность постижения смысла // Теоретическая культурология. Москва : Академический проект; Екатеринбург : Деловая книга; РИК, 2005. 624 с.
10. Николай Некрасов. URL: <http://nekrasov-lit.ru> (дата обращения 12.01.2021).
11. Некрасов Н. А. Собр. соч.: в 15 т. Т. 5 / под общей ред. К. И. Чуковского. Москва : Худ. лит., 1966. 590 с.
12. Никольский С. А. Горизонты смыслов. Философские интерпретации отечественной литературы XIX–XX вв. Москва : Голос, 2015. 536 с.
13. Никольский С. А., Филимонов В. П. Русское мировоззрение. Т. 2. Москва : Прогресс – Традиция, 2009. 544 с.

14. Смирнов А. Г. Исследование творчества народного поэта Н. А. Некрасова // Приволжский научный журнал. 2015. № 2(34). С. 227–230.

15. Федорова Е. А. Парадоксы женского характера в прозе Н. А. Некрасова и Я. П. Полонского 1840–50-х годов // Социальные и гуманитарные знания. 2017. Том 3. № 3. С. 301–305.

16. Филипповский Г. Ю. Функция женских образов в литературе Руси и поэзии Некрасова (архетипический мотив «мать и сын») // Культура. Литература. Язык. Материалы конференции «Чтения Ушинского». Ярославль : Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», 2010. С. 334–343.

17. Чуковский К. И. Мастерство Некрасова. Москва : Государственное издательство художественной литературы, 1952. 644 с.

18. Benjamin, Jaime Women's Status and Trade-Offs in Mate-Preferences. A thesis submitted in fulfilment of the requirements of the degree of Doctor of Philosophy in Psychology. University of Dundee, 2021.

19. Lindsey Limda L. Gender roles a cociplogical perspective Sixth edition. New York : Routledge, 2015. URL: [https://books.google.ru/books?hl=ru&lr=&id=qjibCgAAQBAJ&oi=fnd&pg=PP1&dq=%22gender+roles%22&ots=U5fA3\\_BfLs&sig=IVHIy4bJ6tTYLYXxjFRahflu0I0&redir\\_esc=y#v=onepage&q=%22gender%20roles%22&f=false](https://books.google.ru/books?hl=ru&lr=&id=qjibCgAAQBAJ&oi=fnd&pg=PP1&dq=%22gender+roles%22&ots=U5fA3_BfLs&sig=IVHIy4bJ6tTYLYXxjFRahflu0I0&redir_esc=y#v=onepage&q=%22gender%20roles%22&f=false) (дата обращения 22.04.2021).

20. Moore Jerry D. Visions of Culture: An Introduction to Anthropological Theories and Theorists. AltaMira Press, 2009. 237 p.

#### Reference list

1. Berdjaev N. A. Sud'ba Rossii = The fate of Russia. Moskva : Sov. pisatel', 1990. 348 s.

2. Voronina O. A. Simvolizm zhenstvennosti i mužestvennosti v russkoj kul'ture = The symbolism of femininity and masculinity in russian culture // Verhnevzhskij filologičeskij vestnik. 2018. № 4 (15). S. 172–179.

3. Voronkova N. Ju. Obraz zhenshiny v lirike N. A. Nekrasova = The image of a woman in N.A. Nekrasov's lyrics // Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk. 2016. № 5–3. S. 45–48.

4. Gasanov I. A. Osobennosti gender-koncepta v tvorčestve N. A. Nekrasova i v kavkazskoj poezii XIX–XX vekov = Peculiarities of the gender concept in the works of N. A. Nekrasov and in caucasian poetry of the 19th–20th centuries // Izvestija Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta. Obshhestvennye i gumanitarnye nauki. 2016. T. 10. № 2. S. 60–64.

5. Kassirer Je. Filosofija simvoličeskikh form = Philosophy of symbolic forms. V 3 t. T. 2. Moskva; Sankt-Peterburg : Universitetskaja kniga, 2002. 280 s.

6. Kul'turologija. Jenciklopedija = Encyclopedia. V 2 t. Moskva : ROSSPJeN, 2007. Tom 1. 1392 s. T. 2. 1184 s.

7. Levi-Brjul' L. Pervobytnoe myshlenie = Primitive thinking. Moskva : Akademicheskij proekt, 2020. 430 s.

8. Levi-Stross K. Strukturnaja antropologija = Structural anthropology / per. s fr. V. V. Ivanova. Moskva : JeKS-MO-press, 2001. 512 s.

9. Neretina S. S., Ogurcov A. A. Koncept kak vozmožnost' postizhenija smysla = Concept as an opportunity to cognize the meaning // Teoreticheskaja kul'turologija. Moskva : Akademicheskij proekt; Ekaterinburg : Delovaja kniga; RIK, 2005. 624 s.

10. Nikolaj Nekrasov = Nikolai Nekrasov. URL: <http://nekrasov-lit.ru> (data obrashhenija 12.01.2021).

11. Nekrasov N. A. Sobranie sochinenij: v 15 t. T. 5 = Collected Works: in 15 vols. V. 5 / pod obshej red. K. I. Chukovskogo. Moskva : Hud. lit., 1966. 590 s.

12. Nikol'skij S. A. Gorizonty smyslov. Filosofskie interpretacii otechestvennoj literatury XIX–XX vv. = Horizons of meanings. Philosophical interpretations of national literature of the 19th–20th centuries. Moskva : Golos, 2015. 536 s.

13. Nikol'skij S. A., Filimonov V. P. Russkoe mirovozzrenie = Russian worldview. T. 2. Moskva : Progress – Tradicija, 2009. 544 s.

14. Smirnov A. G. Issledovanie tvorčestva narodnogo pojeta N. A. Nekrasova = Studying the work of the national poet N.A. Nekrasov // Privolzhskij nauchnyj zhurnal. 2015. № 2(34). S. 227–230.

15. Fedorova E. A. Paradoksy zhenskogo haraktera v proze N. A. Nekrasova i Ja. P. Polonskogo 1840–50-h godov = Paradoxes of the female character in the prose of N. A. Nekrasov and Ya. P. Polonsky in the 1840–50s // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2017. Tom 3. № 3. S. 301–305.

16. Filippovskij G. Ju. Funkcija zhenskih obrazov v literature Rusi i poezii Nekrasova (arhetipičeskij motiv «mat' i syn») = The function of female characters in russian literature and Nekrasov's poetry (archetypal motif of «mother and son») // Kul'tura. Literatura. Jazyk. Materialy konferencii «Chtenija Ushinskogo». Jaroslavl' : Jaroslavskij gosudarstvennyj pedagogičeskij universitet im. K.D. Ushinskogo», 2010. S. 334–343.

17. Chukovskij K. I. Masterstvo Nekrasova. = The mastery of Nekrasov. Moskva : Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudožestvennoj literatury, 1952. 644 s.

18. Benjamin, Jaime Women's Status and Trade-Offs in Mate-Preferences. A thesis submitted in fulfilment of the requirements of the degree of Doctor of Philosophy in Psychology. University of Dundee, 2021.

19. Lindsey Limda L. Gender roles a cociplogical perspective Sixth edition. New York : Routledge, 2015. URL: [https://books.google.ru/books?hl=ru&lr=&id=qjibCgAAQBAJ&oi=fnd&pg=PP1&dq=%22gender+roles%22&ots=U5fA3\\_BfLs&sig=IVHIy4bJ6tTYLYXxjFRahflu0I0&redir\\_esc=y#v=onepage&q=%22gender%20roles%22&f=false](https://books.google.ru/books?hl=ru&lr=&id=qjibCgAAQBAJ&oi=fnd&pg=PP1&dq=%22gender+roles%22&ots=U5fA3_BfLs&sig=IVHIy4bJ6tTYLYXxjFRahflu0I0&redir_esc=y#v=onepage&q=%22gender%20roles%22&f=false) (data obrashhenija 22.04.2021).

20. Moore Jerry D. Visions of Culture: An Introduction to Anthropological Theories and Theorists. AltaMira Press, 2009. 237 p.